

А. А. Кирзюк

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

✉ kirzuk@mail.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

«ХВАТАЮТ ВСЕХ ПОДРЯД»: ГАЗВАГЕНЫ В КРАСНОДАРСКИХ НАРРАТИВАХ ОБ ОККУПАЦИИ

Аннотация. Сегодня многие краснодарцы рассказывают, что во время немецкой оккупации города нацисты устраивали облавы на жителей, используя газвагены (душегубки). Согласно этим рассказам, стать жертвой облавы и погибнуть в газвагене мог любой, вне зависимости от этнической принадлежности или политической благонадежности, тогда как в реальности жертвами душегубок становились определенные категории граждан. Статья посвящена причинам возникновения и популярности таких рассказов в Краснодаре. Сюжетная основа для рассказов о душегубках и беспорядочных облавах была создана советскими пропагандистскими текстами, появившимися сразу после освобождения города. В позднесоветское время этот сюжет стал частью культурной памяти (А. Ассман) благодаря надписи на главном военном мемориале города. Пропагандистский тезис о неизбирательных убийствах посредством газвагенов закрепился в устной традиции, поскольку в ней уже существовала готовая форма — сюжет об опасной черной машине, олицетворяющей государственный террор. Как и другие устные рассказы о далеком прошлом, истории о душегубках, преследующих «всех подряд», помогают рассказчикам поддерживать актуальную для них идентичность: подтверждают статус города как жертвы нацистов и тем самым позволяют компенсировать официальное непризнание его героических заслуг.

Ключевые слова: газваген, устная история, Краснодар, культурная память, память о Великой Отечественной войне, память об оккупации

Благодарности. Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

Для цитирования: Кирзюк А. А. «Хватают всех подряд»: газвагены в краснодарских нарративах об оккупации // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 36–57.

Поступило 19 ноября 2023 г.; принято 16 июня 2024 г.

A. A. Kirziuk

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

✉ kirziuk@mail.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia)

“THEY GRAB EVERYONE”: GASWAGENS IN KRASNODAR NARRATIVES ABOUT THE NAZI OCCUPATION

Abstract. Today, many Krasnodar residents say that during the German occupation of the city, the Nazis rounded up residents using *gaswagens* (mobile gas chambers, gas vans). According to these stories, anyone could become a victim of a raid and die in a *gaswagen*, regardless of ethnicity or political loyalty, while in reality specific categories of population became victims of gas vans. The article focuses on the reasons for the emergence and popularity of such stories in Krasnodar. The narrative basis for the stories of gas vans and indiscriminate raids was created by Soviet propaganda texts that appeared immediately after the liberation of the city. In late Soviet times, gas vans became a part of the cultural memory (A. Assmann) thanks to an inscription on the city’s main war memorial. The propaganda thesis about indiscriminate killings by means of *gaswagens* became fixed in oral tradition, since there was a ready-made form for it — the story of a dangerous black car that personified state terror. Like other oral histories of the distant past, stories about gas vans that “grabbed everyone” help storytellers maintain an identity that is relevant for them: they confirm the city’s status as a victim of the Nazis and thereby help compensate for the official lack of recognition of its heroic deeds.

Keywords: *gaswagen*, oral history, Krasnodar, cultural memory, memory of the Great Patriotic War, memory of the Nazi occupation

Acknowledgements. The research was conducted with support from the grant program of the Research Center of the Private Cultural Institution “Jewish Museum and Tolerance Center” (Moscow) with the financial support of A. I. Klyachin.

To cite this article: Kirziuk, A. A. (2024). “They grab everyone”: *Gaswagens* in Krasnodar narratives about the Nazi occupation. *Shagi / Steps*, 10(3), 36–57. (In Russian).

Received November 19, 2023; accepted June 16, 2024

Среди современных сюжетов, связанных с нацистской оккупацией Краснодара (август 1942 — февраль 1943 г.), выделяется повествовающий о том, как немцы, используя машины-газвагены (мобильные газовые камеры, называемые в просторечии душегубками), устраивали облавы на местное население. Согласно этим рассказам, людей хватали в случайном порядке на улицах, заталкивали в машины, а затем выгружали уже мертвые тела в противотанковые рвы. Вот как рассказывает об этом жительница Краснодара, ссылаясь на воспоминания своей бабушки:

Инф. 1: В Краснодаре впервые немцы применили душегубки. И они прямо сгоняли людей везде, на рынках... Два памятника, один, если вы поедете в Чистяковскую Рощу, жертвам фашизма. Туда вот людей сбрасывали. <...> Моя бабушка в какой-то день пошла на рынок, и людей начали сгонять в душегубки, она стояла... В общем, стали загонять, и она увидела в оцеплении фашиста, который у нее жил <...> Он ее схватил, грубо очень выхватил из толпы, сказал, что руссо партизано, и вывел за угол и сказал: «Шура, беги!» <...>

Соб.: А кого-то особенного собирали? Может, евреев или красноармейцев?

Инф. 1: Нет, ребят, просто жителей <...> именно всех.

Рассказчики историй о душегубках подчеркивают, что жертвой облавы мог стать любой, а целью было умерщвление местных жителей вне зависимости от их возраста, этнической принадлежности или политической благонадежности. Именно так пересказывает историю, услышанную от пожилой знакомой, другой житель Краснодара:

Инф. 2: Фактически просто подъезжала машина на улице, хватали, закидывали и увозили. Не спрашивая ни документов, ничего...

Соб.: Это так увозили на работу в Германию?

Инф. 2: В последний путь. <...> То есть они просто шли по улице... Не было ни возрастной, ни половой, ни какой-либо другой, ни идейной... Ничего абсолютно. Просто хватали.

Соб.: То есть просто так всех людей, идущих по улице, могли...

Инф. 2: Абсолютно.

Соб.: То есть, по ее рассказам, просто чтобы убить?

Инф. 2: Да.

Поскольку эти истории рассказываются с ссылкой на свидетельства очевидцев, неискушенный слушатель может счесть их отражением реальной практики. Однако историк и фольклорист, скорее всего, усомнятся в точной достоверности таких историй. У историка может вызвать сомнение постулируемая рассказчиками неизбирательность и бесцельность этих облав: зачем нацистам было уничтожить трудоспособное население, которое служило важным ресурсом в экономике Третьего Рейха? Взгляд фольклориста привлечет знакомый фольклорный мотив, а именно сюжет

о страшной машине, которая «охотится» за людьми с целью похитить их и / или убить.

«Фольклорность» истории о душегубках не означает, что они являются целиком вымышленными и никак не соотносятся с исторической реальностью. За этими рассказами стояли определенные факты. Нацисты действительно использовали для умерщвления советских граждан на оккупированных территориях душегубки — мобильные газовые камеры, в которых жертвы отравлялись отработанным газом. Однако в реальной практике душегубки использовались для уничтожения определенных групп населения — прежде всего пациентов психиатрических больниц, евреев, а также узников гестапо, арестованных по подозрению в связях с советским подпольем. Оккупационные власти действительно устраивали периодические облавы на местных жителей. Но эти облавы имели иную цель, совершенно практическую — отправить трудоспособных граждан на принудительные работы в городе или вывезти на работы в Германию.

В современных нарративах о душегубках эти факты были довольно существенно образом переработаны. Облавы с целью отправки на работы превратились в облавы с целью бессмысленных с экономической и идеологической точки зрения убийств. Уничтожение с помощью душегубок определенных групп людей в определенных локусах превратилось в неизбирательный террор на улицах города. Получившийся в результате нарратив стал одним из самых известных сюжетов краснодарской памяти об оккупации. Кроме того, он стал общеизвестным «фактом» и распространился из сферы устного бытования на историческую литературу. Так, составители сборника документов «Кубань в годы Великой отечественной войны» пишут: «...душегубки <...> загружались арестованными из подвалов гестапо, а также людьми, случайно схваченными на улицах при массовых облавах. Таким способом здесь было умерщвлено более 7000 человек» [Беляев, Бондарь 2005 (1): 462].

Хотя немцы использовали газвагены не только в Краснодаре, этот нарратив не встречался нам в других городах и регионах, переживших оккупацию. Помимо Краснодара, мы записывали рассказы об оккупации в разных частях Ставропольского края, в Ростове-на-Дону, в Кабардино-Балкарии и в Псковской области, но нигде больше не слышали рассказов о душегубках, при помощи которых убивали всех подряд.

Нацисты совершили множество массовых убийств на оккупированных советских территориях. Однако у этих убийств была своя, пусть и чудовищная, логика. Пациенты психиатрических больниц и специализированных детдомов подлежали «принудительной эвтаназии» как бесполезные для Рейха лишние рты; евреи и цыгане уничтожались в соответствии с расовой теорией; также массово уничтожались активисты советского сопротивления и люди, заподозренные в связях с партизанами и подпольщиками. Нарратив о душегубках, которые преследовали всех подряд, приписывает нацистам убийства бесцельные, не подчиненные никакой логике.

В этой статье мы разберем причины такой трансформации реальных фактов в современных рассказах об оккупации, а также попытаемся выяснить, почему истории о душегубках и беспорядочных облавах возникли и стали популярными именно в Краснодаре.

Статья основана на интервью, записанных в Краснодаре в апреле 2022 г. командой проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы». Также используются интервью с очевидцами оккупации, которые записывал на протяжении последних десяти лет местный активист В. К.

Историческая основа историй о душегубках

Как было сказано выше, один из реальных фактов, стоящих за рассказами об «охоте» душегубок на людей, — облавы на местное население, которые оккупационные власти устраивали с целью использовать его в качестве трудового ресурса. Для вербовки советских граждан на работы в Германии немцы сначала использовали средства пропаганды, в частности, показывали агитационные фильмы о том, как хорошо живут в Германии советские рабочие. Эта агитация оказалась не очень эффективной. Поэтому с весны 1942 г. (см.: [Как осты оказывались в Германии б. д.] немцы начали практиковать облавы и принудительный угон трудоспособных граждан [Ивлев, Юденков 1988: 227–228]. Агитация против отъезда в Германию была отдельным направлением подпольной советской контрпропаганды на оккупированных территориях. На формирование интересующего нас сюжета мог повлиять один из приемов этой контрпропаганды: в листовках, которые распространялись подпольными райкомами партии в некоторых оккупированных городах, молодежь не только призывали прятаться от облав, но и рассказывали, что часть людей немцы уничтожают по дороге в Германию [Там же: 228].

Про облавы на рынках для угона на работы в Германию часто вспоминают бывшие остарбайтеры [Островская, Щербакова 2007: 78]. Именно страх перед тем, чтобы быть угнанными в Германию, заставлял жителей оккупированных советских городов бояться облав на рынках и проверок документов на улицах [Агеева 2022: 477]. Синхронные источники об оккупации также свидетельствуют об облавах для отправки на принудительные работы в городе; например, о них пишет в своем дневнике житель оккупированного Таганрога: «На базаре немцы делали облаву, мужчин забирали и проверяли документы и угоняли на работу по рытью окопов» (28 декабря 1941 г.) [Саенко б. д.]¹.

В ретроспективных источниках реальный факт таких облав (с целью отправки на работы) нередко дополняется более современным сюжетом об облавах с целью умерщвления в душегубке. Свидетельница оккупации

---

¹ Материал, на который приведена ссылка в настоящей работе, распространен иностранным агентом «Общество Мемориал», содержащимся в реестре иностранных агентов.

Краснодара в неопубликованных мемуарах, написанных в начале 2000-х годов, тоже вспоминает про облавы с целью отправки в Германию. Однако в ее воспоминаниях, хронологически весьма удаленных от 1942–1943 гг., этот факт дополняется сюжетом о бесцельных убийствах:

Ведь облавы устраивали, как мы потом узнали, для того, чтобы погрузить людей в автобус-газовую камеру и отвезти их за город, ко рву около рощи. Если не в газовую камеру, то на работу в Германию [АВ].

Смешение этих двух сюжетов заметно и в другом мемуарном свидетельстве:

Инф. 3: Мне было 16 лет, 17-й шел. Ходила на биржу труда, убегала от душегубки, в окно выскакивала. Мы ж идем, молодежь, не один человек, а идет несколько человек. В случае чего один [нрзб.] стоит, а остальные... <...> Молодежь брали в душегубку, а потом, ну, как говорится, увозили за город, там траншеи были, их туда и швыряли.

Соб.: Именно молодежь?

Инф. 3: Да, да. Мне тоже один раз пришлось из окна выскакивать — хорошо, что окно было открыто, не это самое... Один там стоял на взводе, он крикнул «душе...». Только крикнул «душе...», и мы уже поняли, что там... И потом я уже не ходила [на биржу].

В интервью, записанном местным активистом, наша собеседница повторяет историю про побег с биржи труда и про «охоту» душегубок за молодежью. Из него мы также узнаем возможную мотивировку побега с биржи труда: будто бы собирая молодых людей для отправки на работы, немцы на самом деле уничтожали их в душегубках:

Инф. 3: А там приезжали душегубки — забирали молодежь <...> И мне с подружкой пришлось два раза в окно выскакивать.

Соб.: А кто-нибудь из этих душегубок возвращался потом?

Инф. 3: Никого не знаю <...> После того, как это... больше людей не видели <...> Они якобы брали знаете зачем? Окопы рыть. Но после окопов они там, говорят, и сбрасывали. После окопов этих никто не возвращался.

Сложно понять, был ли этот сюжет слухом времен оккупации или рассказчица узнала его позже и ретроспективно объяснила им свой отказ от походов на биржу. Такой слух мог появиться в результате советской контрпропаганды, призывающей жителей оккупированных территорий избегать работы на немцев. В воспоминаниях реальный факт (облава с целью отправки на работы) спустя несколько десятилетий замещается фольклорным сюжетом (облава для бесцельного умерщвления в газвагене). Не случайно рассказчица утверждает, что душегубка «охотилась» за молодежью: именно молодежь в первую очередь подлежала отправке в Германию или на принудительные работы в городе. Так же не случайно

местом действия ее рассказов становится биржа труда, где происходил рекрутинг рабочей силы.

Еще один исторический факт, лежащий в основе нашего сюжета, — использование нацистами душегубок для уничтожения евреев.

В Краснодаре евреи были расстреляны. Однако душегубки использовались для уничтожения евреев в некоторых населенных пунктах Краснодарского и Ставропольского краев [Макарова 2022: 297]. Эта практика нацистов — как и практика облав на уклоняющихся от трудовой повинности — в современных рассказах смешивается с сюжетом о душегубках и беспорядочных облавах:

В основном на Краснодаре немцы использовали машину-душегубку. Причем в душегубку попадали не только евреи. Они [душегубки] могли поехать на Сенной базар, туда, где люди приходили просто что-то купить и что-то продать или поменять <...> Вот они их хватали в душегубки эти и доезжали до этого места, где пересечение Российской улицы и Ростовского шоссе. Там <...> были глубокие ямы, глубокие рвы. И там они выбрасывали из этих душегубок <...> И была одна женщина <...> Старушка такая, я знаю, что ее звали Люба. И эта старушка, еврейка, она попала в эту облаву, попала в эту душегубку. И ее подвезли вместе с другими. И говорят, что можно как-то... своей мочой намочить [тряпку] и закрыть рот и нос <...> Так вот эта Люба каким-то образом осталась жива <...> Она — единственная среди евреев, которая попала в душегубку и осталась жива [Инф. 4].

Документы об оккупации Краснодара — сообщения и акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), материалы судебных процессов над нацистами и их пособниками — говорят о душегубках главным образом как об орудии уничтожения двух групп жертв — людей с ограниченными возможностями и узников гестапо.

В сообщении ЧГК «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Краснодаре и Краснодарском крае» сказано, что оккупанты «зверски истребили посредством отравляющих газов — окиси углерода — свыше 6700 советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей, находившихся на излечении в больницах, диспансерах города Краснодара, а также арестованных, содержавшихся в тюрьме гестапо» [Документы 1945: 101]. В этом же документе сообщается, что многие тела, найденные в противотанковых рвах возле завода измерительных приборов, были опознаны родственниками «как находившиеся на излечении в больницах, или как арестованные гестапо» [Там же].

В показаниях обвиняемых и свидетелей на Первом (1943) и Втором (1963) краснодарских процессах над пособниками нацистов жертвами душегубок тоже выступают пациенты больниц и узники гестапо. Так, свидетель на Первом краснодарском процессе говорит о погрузке больных в душегубки во дворе Краснодарской краевой больницы [Кононенко 1943:

20]. Обвиняемые на обоих процессах говорят о погрузке в душегубки заключенных во дворе гестапо, например: «С сентября по октябрь 1942 г. в гор. Краснодаре дважды принимал участие в удушении советских граждан в машине “душегубка”, каждый раз по 60 человек, которых он, совместно с другими палачами, выводил из подвала, раздевал перед загрузкой доната» [Гинзбург 1967: 170]. Отметим, что в этих показаниях «работа» страшных машин привязана к определенным городским локациям — больнице и отделению гестапо. Ни свидетели, ни обвиняемые на процессах не рассказывали о душегубках, которые разъезжают по городу с целью убийства случайных людей.

Сюжет о беспорядочных облавах с помощью душегубок прозвучал на Первом краснодарском процессе в речи обвинителя: «В душегубках истреблялись не только арестованные, но и лица, случайно схваченные на улицах при массовых облавах» [Судебный процесс 1943: 6]. Это утверждение опиралось на «Акт Краснодарской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», где сказано, что 16 января 1943 г. нацистами «была произведена массовая облава и изъятие населения, не зарегистрированного на немецкой бирже труда, которая отправляла людей в рабство. В этот день было захвачено до 800 человек, которые затем были истреблены» [Беляев, Бондарь 2005 (2): 30]. В акте также упомянуто, что при раскопке противотанкового рва вместе с трупами было найдено «большое количество корзинок с остатками продуктов, бидонов с остатками молока, бутылок из-под масла», из чего составители делают логичный вывод, что «жертвы, попавшие в эту яму, [были] захвачены внезапно на улицах» [Там же: 30]. Однако объяснение мотивов убийства уже не выглядит таким логичным: если ловили тех, кто уклонялся от отправки в Германию, то почему пойманных уничтожили, а не отправили на работы? Отметим также, что отлов граждан, не зарегистрированных на бирже труда, вряд ли напоминал хватание случайных людей на улице, о котором говорит обвинитель на процессе и рассказывают краснодарцы сегодня: он должен был подразумевать по крайней мере предварительную идентификацию «уклонистов» через проверку документов.

Неизбирательные убийства в советском нарративе о войне

Разбираемый нарратив включает в себя два элемента: неизбирательные убийства и машину-душегубку как орудие этих убийств.

Представление о неизбирательном терроре нацистов сформировано советскими официальными текстами о войне и, как мы увидим дальше, поддерживается новейшими трендами в политике памяти.

Советская пропаганда, описывая нацистские репрессии против гражданского населения, чаще всего не выделяла конкретные группы жертв, обозначая их всех как «мирных советских граждан». Сегодня хорошо изучена практика замалчивания Холокоста, который в официальном дискурсе описывался как уничтожение «мирных советских граждан». Гораздо

менее известно, что советские авторы избегали также упоминания других групп, обреченных на уничтожение в рамках нацистской политики. Примечательно в этом отношении пропагандистское освещение убийства воспитанников детского дома в г. Ейске Краснодарского края, которое было произведено с помощью душегубок. В этом детдоме содержались дети с умственной отсталостью и инвалидностью. Именно поэтому они были уничтожены в рамках нацистской программы «принудительной эвтаназии». Однако в пропагандистской листовке, рассказывающей об этой трагедии краснофлотцам, о ментальных и физических особенностях детей ничего не сказано. Рассказ о «зверской расправе немецких палачей над детьми Ейского детдома» заканчивается призывом убить немца и «отомстить за кровь наших детей, слезы наших матерей» (цит. по: [Реброва 2019: 70]). Прагматика такого умолчания в данном тексте понятна: во-первых, дети с умственной отсталостью, возможно, вызвали бы меньше сочувствия у адресата; во-вторых, убийство детей просто ради убийства как нельзя лучше подходит для целей военной пропаганды — вызвать ненависть к врагу и желание мстить.

Представление о неизбирательных убийствах населения на оккупированных территориях формировалось у советских людей во многом благодаря подобным умолчаниям. Однако в некоторых официальных текстах начиная с военного времени идея тотального, неизбирательного террора высказывалась прямо. Так, в пропагандистской брошюре журналистки Елены Кононенко о Первом краснодарском процессе утверждается, что нацисты преследовали цель «истребить как можно больше советских людей» [Кононенко 1943: 10].

Современные представления краснодарцев о немецкой оккупации не противоречат этой идее. Знание об особой политике нацистов в отношении отдельных групп населения в Краснодаре распространено довольно слабо. Согласно данным Ирины Ребровой, в 2015 г. около 18% краснодарцев вообще не знали, что такое Холокост [Rebrova 2020: 142–143].

О том, насколько плохо горожане осведомлены о судьбе евреев во время оккупации, свидетельствует пост, появившийся 28 апреля 2021 г. на сайте «Съ любовью изъ ЕКАТЕРИНОДАРА — Привет из КРАСНОДАРА» (myekaterinodar.ru): «Шишман Семён Соломонович — великолепнейший человек, преподаватель русского и литературы, Завуч школы № 2, перенёсший оккупацию в Краснодаре и прятавший людей от Гестапо». У посетителей ресурса, посвященного истории города, рассказ о еврее, который во время оккупации прятал людей от гестапо, не вызвал сомнений. Между тем такие сомнения возникнут у всякого, кто хотя бы немного знаком с историей Холокоста и расовой политикой нацистов на оккупированных территориях. В соответствии с этой политикой евреев уничтожали или сгоняли в гетто в первые дни и недели оккупации. Поэтому даже если Семен Шишман действительно пережил оккупацию в Краснодаре (скорее всего, он выжил, уехав в эвакуацию), то он мог сделать это, только скрываясь от немецких властей при помощи знакомых, но никак не мог

сам прятать кого-то. Однако сюжет «еврей прячет людей от гестапо» не кажется неправдоподобным даже сотруднице краеведческого музея, которая рассказала нам, что такой еврей, заведовавший местной больницей, жил в г. Горячий Ключ [Инф. 5].

Сегодня о расовой политике нацистов не всегда знают даже свидетели оккупации. Так, жительница Краснодара, заставшая оккупацию подростком, предполагает, что мальчик, встреченный ею после ухода немцев в соседнем от здания гестапо дворе, мог быть евреем: «Смотрю, мальчишка ведро выливает, помой, наверное. Я говорю: “Ашотик, иди сюда”. А он откуда-то из Одессы эвакуированный. Еврей, наверное» [Инф. 6]. Мы не знаем, что подумала рассказчица о национальности мальчика в 1943 г., но во время записи интервью в 2016 г. она не видела ничего экстраординарного в фигуре еврея, пережившего оккупацию по соседству с гестапо.

Сформулированная еще в советское время идея неизбирательного нацистского террора в последние годы становится все более заметной частью российского официального нарратива о Великой Отечественной войне. В 2019 г. был запущен проект «Без срока давности», который ставит своей целью доказать факт «геноцида советского народа» во время Второй мировой войны. С 2022 г. проект заработал с удвоенной интенсивностью. В июле 2022 г. в Краснодаре состоялся судебный процесс, на котором «преступления немецко-фашистских захватчиков, совершенные на территории Краснодарского края», были признаны «геноцидом населения и народов Советского Союза» [Старостин 2022]. Такие же судебные процессы прошли во многих других городах, переживших оккупацию. Их медийное освещение популяризирует идею неизбирательного террора — ср., например, заголовок в калужском интернет-издании: «“Людей убивали просто так”»: в Калуге продолжается судебный процесс по признанию геноцидом преступлений нацистов на нашей малой родине» [Фирсова 2023].

Поскольку представление о неизбирательном терроре нацистов сформировано советской и поддерживается современной политикой памяти, о нем рассказывают и в других регионах, хотя и гораздо реже. Например, от посетительницы Змиёвской балки в Ростове-на-Дону — места самой крупной акции Холокоста на территории современной России — мы записали следующее суждение:

Инф. 7: Девочки, но здесь же действительно и русские, и армяне, все, кого ловили, сюда везли.

Соб.: А зачем, с какой целью ловили?

Инф. 7: Истребить русский народ.

Соб.: То есть они хотели все население истребить?

Инф. 7: Конечно, конечно. Поэтому, я думаю, они там особо не заглядывали в паспорта или в документы, что кто это, еврей или не еврей.

Специфика Краснодара заключается, во-первых, в особой популярности историй о неизбирательных убийствах, а во-вторых, в том, что орудием этих убийств выступает машина-душегубка.

Страшная машина как символ неизбирательного террора

Страшная машина, похищающая людей, — устойчивый сюжет в городском фольклоре разных стран. В позднесоветских легендах о черной «Волге» говорилось, что эта машина похищает детей и что, попадая в нее, дети исчезают навсегда. Эта машина воплощала собой государственную власть, а сюжет позднесоветской легенды основывался на памяти о Большом терроре [Кирзюк 2017]. Одним из символов сталинского террора стал черный автомобиль ГАЗ М-1, называемый также «черный ворон». Во время Большого террора сотни тысяч люди исчезли, будучи увезенными в такой машине сотрудниками НКВД.

Логично предположить, что немецкая душегубка встроилась в уже готовую структуру, где страшная машина («черный ворон») олицетворяла безжалостную власть и террор. На фольклорное родство этих двух машин указывает несколько деталей. Прежде всего, это одно из народных названий газвагена. Жители оккупированных территорий называли немецкую машину не только «душегубкой», но и «черным вороном» [Реброва 2019: 9]. Например, пожилая жительница села в Ставропольском крае именно так называет газваген, вспоминая о том, как вели на расстрел эвакуированных евреев:

Стильки было там слез, криков, и детского и взрослого крику было такого, что невыносимо. Даже наши люди плакали. По улице по Пугачева и по Терской [нрзб.] машина «черный ворон» сюда-туда. Одно бежит, одно бежит, «черный ворон» называли ее [Инф. 8].

Хотя такое название газвагена было распространено гораздо меньше, чем «душегубка», оно встречается даже в официальных документах. Так, в акте ЧГК об уничтожении пациентов Березанской психокolonии Краснодарского края газваген называется «машина черный ворон» (цит. по: [Реброва 2019: 57]). Есть также некоторое сходство в описаниях действий этих двух машин: попадая в газваген — как и попадая в машину, олицетворяющую советский террор, — люди исчезают: «...больше людей не видели <...> никто не возвращался» [Инф. 3].

Если отвлечься от образа страшной машины, то можно заметить сходство в рассказах о действиях НКВД эпохи Большого террора и о терроре нацистов. В частности, в документах об оккупации неоднократно говорится о массовых арестах, переполненных камерах и бессудных казнях. В материалах Первого краснодарского процесса читаем: «Вскоре после занятия Краснодара в результате систематических облав и массовых арестов мирных жителей подвалы гестапо были до отказа переполнены заключенными. Никакого “следствия” по делам этих сотен и тысяч ни в чем

не повинных людей не производилось» [Судебный процесс 1943: 4]. Описание тех же самых реалий — общее место в мемуарах о Большом терроре.

Хронологически террор немецких оккупантов следовал за периодом Большого террора, которому предшествовали массовые репрессии в отношении крестьян во время коллективизации. В памяти некоторых пожилых людей все эти волны репрессий, следующие одна за другой с начала 1930-х годов, могли смешаться в единый образ опасной власти, жертвой которой может стать каждый. Это предположение подтверждает интервью с очевидцем оккупации Краснодара. В ответ на настойчивые расспросы интервьюера о зверствах фашистов он неожиданно рассказывает историю совсем на другую тему — как его мать перед войной была арестована НКВД по обвинению в антисоветской деятельности. Хотя мать была неграмотной, ее обвинили в написании антисоветского лозунга на каком-то здании «и расстреляли бы, если бы немцы не пришли» [Инф. 9].

Появление в интервью того или иного смыслового блока, последовательность смысловых блоков, а также упоминание тех или иных реалий и обстоятельств не случайны [Воронина, Утехин 2006: 232]. Конечно, интервьюируемый мог не услышать или не понять вопроса, хотя на протяжении всего интервью он демонстрировал прекрасное понимание его цели (сбор воспоминаний об оккупации). Скорее, причина появления этого рассказа в другом: репрессии советские и репрессии нацистов принадлежат для рассказчика к одному эмоционально-смысловому полю жестокости и произвола.

Опыт сталинского террора и сформированная этим опытом система образов обеспечили легкое усвоение сюжета о душегубке и способствовали его закреплению в устной истории оккупации. Но здесь возникает вопрос: почему разбираемый сюжет, стал популярным именно в Краснодаре? Опыт сталинских репрессий переживали все советские граждане, а газвагены использовались нацистами не только в Краснодаре; в частности, они активно использовались для уничтожения евреев и пациентов психбольниц на Ставрополье [Документы 1945: 131–132; Макарова 2022]. Однако в Ставропольском крае ни очевидцы оккупации, ни их потомки не рассказывают о душегубках. Такие истории специфичны именно для Краснодара, и одна из причин этого — устройство местной культурной памяти.

Культурная память об оккупации Краснодара

Термином «культурная память» Алейда Ассман обозначает память, отделенную от живых носителей и закрепленную на материальных носителях — в текстах, изображениях, мемориалах, музейных экспозициях и т. п. Такие материальные информационные носители функционируют как «подпорки» для памяти о событиях, значительно удаленных во времени, помогают сохранять воспоминания о них за пределами поколения непосредственных участников и свидетелей [Ассман 2014].

Используя эту терминологию, можно сказать, что воспоминания о некоторых аспектах немецкой оккупации не находят поддержки в культурной памяти Краснодара и потому забываются. В городе нет ни одного памятного знака, напоминающего о жертвах Холокоста или об уничтоженных нацистами пациентах психбольницы. Единственным артефактом культурной памяти о Холокосте являются несколько фотографий и документов в экспозиции краеведческого музея.

Что же говорят об оккупации артефакты местной культурной памяти? Главный памятник, рассказывающий о войне, — это мемориал «Жертвам фашизма», установленный в 1975 г. к 30-летию Победы в Первомайской (Чистяковской) роще. Роща популярна среди горожан и активно используется в качестве рекреационной зоны, а сам мемориал является местом официальных и неофициальных ритуалов, связанных с коммеморацией Великой Отечественной войны; также туда еще с советских времен приезжают свадебные кортежи. На мемориале выбит текст: «Гражданам Краснодара, замученным и истребленным в душегубках, зверски убитым гитлеровскими палачами». Информационная табличка сообщает, что мемориал посвящен «13 тысячам краснодарцев — жертвам фашистского террора». Эти надписи содержат два сообщения: о неизбежном уничтожении мирных граждан («граждан Краснодара») и о том, что орудием этого неизбежного террора были душегубки. Нетрудно заметить, что именно из них складывается разбираемый в данной статье сюжет.

О влиянии этого мемориала на коллективную память об оккупации свидетельствует не только популярность нарратива о душегубках и облавах, но и сюжет, который в устных рассказах нередко идет в паре с ним, — будто бы мертвые тела из машин сбрасывали на территории Первомайской рощи. В действительности мемориал «Жертвам фашизма» представляет собой кенотаф, а тела жертв закапывали в противотанковых рвах возле завода измерительных приборов и в нескольких других местах. Однако выбитая на мемориале надпись поддерживает горожан в убеждении, что именно здесь происходили массовые расстрелы и закапывались жертвы душегубок во время оккупации.

Таким образом, надпись на мемориале «Жертвам фашизма» (как и в целом устройство культурной памяти) существенно повлияла на то, что именно помнят сегодня краснодарцы об оккупации. Но возникает вопрос: почему на мемориале, воздвигнутом в 1975 г., вообще появилась надпись о душегубках? Представляется, что решающую роль здесь сыграли краснодарские процессы над нацистами и их пособниками, а в особенности первый процесс и его медийное освещение.

Первый процесс прошел в Краснодаре в июле 1943 г. На нем судили 11 советских граждан, служивших в зондеркоманде 10а. Советскими властями этот процесс рассматривался как важный пропагандистский ресурс. Высокопоставленные функционеры, включая Сталина, получали ежедневные сводки с процесса [Vougtman 2008: 256–257]. Он подробно освещался в местной и центральной прессе (в том числе в детской), для

чего в Краснодар были направлены из Москвы опытные советские журналисты [Тажидинова 2019]. Сразу после окончания процесса на экраны краснодарских, а затем и других советских кинотеатров вышел документальный фильм о нем под названием «Приговор народа» (1943).

Медиатизация Первого краснодарского процесса выполняла несколько задач, в числе которых было устрашение потенциальных коллаборантов, поднятие боевого духа красноармейцев и противостояние нацистской пропаганде. Вместе с материалами ЧГК материалы процесса использовались лекторами и агитаторами, перед которыми стояла задача «раскрыть правду о сути оккупационного режима» и «разоблачить демагогию фашистской пропаганды» [Беляев, Бондарь 2005 (2): 433–434]. Одним из главных инструментов советской контрпропаганды были рассказы о реальных и вымышленных зверствах оккупантов, в том числе о неизбирательных массовых убийствах. Агитационные группы в разных регионах СССР отчитывались о проведении с населением «бесед о зверствах фашистов» [Ивлев, Юденков 1988: 169]. Вызывая у слушателей сильные эмоции, такие рассказы позволяли эффективно воздействовать на население, которое, как отмечали советские идеологи, за время оккупации «подверглось интенсивному воздействию нацистской пропаганды» [Беляев, Бондарь 2005 (2): 433–434].

Все это объясняет, почему Первый краснодарский процесс, как отмечает историк Илья Буртман, был сфокусирован не столько на подсудимых и доказательстве их вины, сколько на описании зверств оккупантов. Особое место в описании этих зверств было отведено душегубкам, которые многократно упоминались как на самом процессе в речах обвинителя, так и в текстах о процессе [Bourtman 2008: 258].

Среди этих текстов следует выделить пропагандистскую брошюру московской журналистки Елены Кононенко «Приговор народа» [Кононенко 1943]. Фрагменты из нее неоднократно воспроизводились (часто без кавычек и ссылок) в более поздних текстах об оккупации Краснодара. Брошюра Кононенко начинается с главы «немецкая душегубка», где на первой же странице читателю сообщается, что с помощью душегубок «гестаповцы умертвили в Краснодаре около 7 тысяч мирных советских граждан» [Там же: 1]. Душегубка упоминается множество раз на протяжении всего текста.

В брошюре Кононенко также появляется мотив неизбирательных убийств. Там утверждается, что нацисты хватали «здоровых и больных, детей и взрослых, арестованных и неарестованных, русских и нерусских» [Кононенко 1943: 3]. Орудием этого неизбирательного террора Кононенко называет душегубку и даже утверждает, что машина была специально изобретена для того, чтобы истребить как можно больше советских граждан: «Главари гитлеровской Германии с первых дней войны разработали целую программу истребления советских людей. Вот откуда — эти механизированные могилы на колесах, эти автобусы смерти» [Там же: 37].

Основа для сюжета о тотальных облавах с помощью душегубок была задана текстами, появившимися сразу после освобождения города и имевшими пропагандистскую прагматику. Затем этот сюжет (возможно, уже существовавший в устной традиции в позднесоветское время) был закреплён в коллективной памяти благодаря надписи на мемориале «Жертвам фашизма».

Краснодарская память о войне: важность статуса жертвы

Можно выделить еще один фактор, ответственный за популярность историй о душегубках и беспорядочных облавах — специфический ви́ктимный фокус краснодарской памяти о войне.

Устройство культурной памяти — не только результат официальной политики памяти, в соответствии с которой пишутся авторитетные тексты и возводятся мемориалы. Акторы, действующие от лица государства, например чиновники, ответственные за памятники, часто руководствуются не столько официальными директивами, сколько собственными представлениями о том, кого и как следует помнить.

В этом отношении показательна история неудавшейся мемориализации жертв краснодарского Холокоста. Бывший руководитель еврейской общины Ю. Т. предпринял немало усилий для того, чтобы в городе появился памятник, напоминающий о расстрелянных в Краснодаре евреях. Однако все усилия оказались тщетными: «...после долгих проволочек было устно объявлено, что разрешения не будет, ибо установка памятника жертвам Холокоста может вызвать обострение межнациональной розни. Кроме того <...> убивали не только евреев, но и граждан других национальностей» [Тейтельбаум 2012]. Также чиновники рассказали Ю. Т., что после того, как он опубликовал в газете заметку о своем намерении, жители прислали в редакцию сотни писем, где возмущались перспективой установки «памятника евреям» [Инф. 10]. Таким образом, жители Краснодара выразили нежелание делить с евреями важный для них статус жертвы нацистов. О том, насколько этот статус важен для краснодарцев, также говорят некоторые сюжеты и общеизвестные «факты», составляющие локальную память об оккупации. Перечислим их.

Принятое в Краснодаре число жертв оккупации при ближайшем рассмотрении оказывается завышенным. Вадим Иванов справедливо замечает, что цифра 13 тыс. человек, выбитая на мемориале «Жертвам фашизма», имеет своим источником не расследованные кем-либо факты, а пропагандистскую брошюру «Зверства гитлеровцев на Кубани». Брошюра была сдана в набор 19 марта 1943 г., т. е. до того, как были созданы и начали работать комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (сформированные в конце апреля 1943 г.) [Иванов 2009]. В документе под названием «О зверских злодеяниях гитлеровских захватчиков», датированном 25 марта 1943 г., также утверждается, что нацисты «злодейски расстреляли, повесили, отравили в машинах смерти 13 тыс. советских людей — женщин, стариков, детей» [Докумен-

ты 1945: 107]. Хотя даже примерное число жертв среди гражданского населения до начала работы комиссии посчитать было невозможно, цифра 13 000 воспроизводится не только в надписи на мемориале, но и во многих публикациях об оккупационном периоде и его жертвах.

Среди краснодарцев распространено убеждение, что их город стал первым, где немцы использовали душегубки. Утверждения о «первенстве по душегубкам» мы неоднократно слышали в интервью. Они не соответствуют реальности, поскольку на территории СССР газвагены впервые были использованы в Полтаве в ноябре и в Харькове в декабре 1941 г., а еще раньше, в 1939–1940 гг., применялись в Польше [Душегубки б. д.].

В последнее десятилетие в Краснодаре появились два сюжета, связанных с бессмысленными зверствами, которые учиняли немцы при отступлении. В отличие от сюжета о «первенстве по душегубкам», они довольно маргинальны и продвигаются группой активистов — историков-любителей. Назовем их для простоты «сюжетами о зверствах».

Первый сюжет о зверствах утверждает, что при отступлении немцы сожгли заживо от 1 до 5 тыс. узников краснодарского лагеря для военнопленных. Промоутеры этой истории даже добивались на месте лагеря установки мемориальной доски, рассказывающей о сожжении пленных. Их оппоненты, профессиональные историки, сомневаются в этом факте, указывая на то, что сожжение военнопленных не упоминалось ни на Первом, ни на Втором краснодарском процессе и вообще не имеет никаких документальных подтверждений. Единственный источник, в котором оно упоминается, — художественный очерк писателя Константина Симонова, который в качестве военного корреспондента побывал в городе после освобождения [Симонов 1943]. Однако активистов эти аргументы не убеждают. Один из них в разговоре с нами заявил, что сомневаться в этой истории могут только те, кто «сами фашисты» [Инф. 11].

Второй сюжет о зверствах утверждает, будто бы при отступлении немцы вешали на главной улице Краснодара двух- и трехлетних детей. Этот сюжет также не имеет никаких документальных подтверждений. Историю о повешенных детях несколько лет назад «вспомнил» в интервью с местным активистом (и под влиянием наводящих вопросов с его стороны) житель Краснодара, который во время оккупации сам был ребенком [Инф. 12]).

Примечательно, что В. К., один из активистов памяти о таких не подтверждаемых источниками зверствах нацистов, также продвигает сюжет о неизбирательных убийствах. В 2010-е годы он записал несколько видеointerview со свидетелями оккупации. На одном из них В. К. прямо подталкивает свою собеседницу к тому, чтобы она вспомнила этот важный для него сюжет и тем самым подтвердила его истинность:

В. К.: Так, А. Г., февраль месяц. Немцы... не просто машины, наверное, туда-сюда, а хватают всех подряд? И возят на допрос, на расстрел.

Инф. 6: Да, всех подряд <...> Было шесть камер, и все шесть были [забиты], по сто человек примерно в каждой.

И перечисленные сюжеты о зверствах, и сюжет о «первенстве по душегубкам» не соответствуют исторической действительности. Харальд Вельцер полагает, что коллективные воспоминания отсылают не столько к исторической реальности, сколько к идентичности [Вельцер 2005]. Алессандро Портелли считает, что такие несоответствия устных нарративов историческим фактам важны для исследователя, поскольку именно они говорят об интересах и желаниях группы [Портелли 2003: 203–204]. О чем говорит распространенное среди краснодарцев убеждение, что именно в их городе душегубки использовались впервые? Воображаемое «первенство по душегубкам» выделяет Краснодар из других оккупированных городов, делает его не рядовой, а особой жертвой нацистов, дает городу особый статус. Так же как и истории о воображаемых зверствах, утверждения о «первенстве по душегубкам» свидетельствуют, что масштабы и характер нацистского террора важны для идентичности жителей.

Возможно, статус особой жертвы нацистов важен для Краснодара, поскольку его оборонительные заслуги не были признаны на официальном уровне. Он не получил ни звания города-героя, ни статуса города воинской славы. Характерно, что автор статьи в издании «МК на Кубани», называя такое положение дел «глубокой несправедливостью по отношению к Краснодару», указывает не на героические заслуги города, а на страдания его жителей во время оккупации, сильно преувеличивая при этом число жертв и используя уже знакомый нам сюжет о «первенстве по душегубкам»:

Да, на Кубани не было своей Брестской крепости или Сталинградского сражения. Но Краснодар не просто так вошел в десятку самых разрушенных городов во время Великой Отечественной войны <...> Разъяренные военными неудачами фашисты вымещали злобу на краснодарцах <...> На краснодарцах впервые в мировой истории было испытано страшное изобретение гитлеровцев — душегубки. Вдумайтесь, более 61 тысячи жителей кубанской столицы были умерщвлены в газовых камерах на колессах [Черепнина 2013].

Рассказы о зверствах фашистов и о бесцельных массовых убийствах (в том числе о душегубках и беспорядочных облавах) помогают компенсировать это непризнание героического статуса и встроить историю города в официально одобряемый нарратив о Великой Отечественной войне.

Заключение

История сюжета о душегубках и неизбирательных облавах представляет собой хорошую иллюстрацию того, как устройство культурной памяти о событии влияет на содержание устных рассказов о нем. Душегубки ис-

пользовались нацистами в разных оккупированных регионах, но сегодня о них вспоминают только в Краснодаре, рассказывая об оккупации. В советских текстах нередко говорилось о неизбежном истреблении жителей оккупированных территорий, но в Краснодаре этот тезис был популяризирован благодаря Первому краснодарскому процессу, который имел для властей большое пропагандистское значение и поэтому широко освещался СМИ. Благодаря медиатизации этот процесс сыграл важную роль в формировании местного «канона» воспоминаний об оккупации. Идея, что орудием неизбежного нацистского террора были душегубки, впервые прозвучала там, а в позднесоветское время была закреплена в надписи на мемориале «Жертвам фашизма».

Долгая жизнь разбираемого сюжета показывает, что официальные нарративы хорошо усваиваются в том случае, если они строятся по знакомым аудитории сюжетным моделям и используют знакомые ей образы. Утверждение о беспорядочном истреблении людей посредством душегубок, прозвучавшее на Первом краснодарском процессе, перешло в устную традицию, потому что в этой традиции для него существовала готовая форма — сюжет об опасной машине «черный ворон», жертвой которой может стать каждый. Немецкая душегубка легко встроилась в образный ряд машин, олицетворяющих террор.

Как и другие устные рассказы о далеком прошлом, истории о душегубках, которые преследовали «всех подряд», помогают рассказчикам поддерживать актуальную для них идентичность, подтверждают статус города как особой жертвы нацистов и тем самым позволяют компенсировать отсутствие официального признания его героических заслуг.

Поскольку в последние годы идея неизбежного нацистского террора становится все более заметной частью российского официального нарратива о Великой Отечественной войне, истории о душегубках обретают новую актуальность: существующие на уровне «народной» памяти истории о массовых бесцельных убийствах и официальная концепция «геноцида советского народа» подтверждают друг друга.

Источники

- АВ — рукописные воспоминания Анны В., 1923 г. р. (личный архив Елены Деревщук, Краснодар).
- Беляев, Бондарь 2005 — Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1942: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. / Сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь. Краснодар: Диапазон-В, 2005.
- Гинзбург 1967 — *Гинзбург Л.* Бездна: Повествование, основанное на документах. М.: Сов. писатель, 1967.
- Документы 1945 — Документы обвиняют: Сб. документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып. 2. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит., 1945.

- Душегубки б. д. — Душегубки // Яд Вашем: Мемориальный комплекс истории Холокоста. [Б. д.]. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/gas-wagons.html>.
- Ивлев, Юденков 1988 — *Ивлев И., Юденков А.* Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированных территорий СССР, 1941–1944 гг. М.: Мысль, 1988.
- Как осты оказывались в Германии б. д. — Как осты оказывались в Германии // Та сторона: Устная история военнопленных и оstarбайтеров. [Б. д.]. URL: <http://tastorona.su/articles/educational/5>.
- Кононенко 1943 — *Кононенко Е.* Перед судом народа. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- Саенко б. д. — Военный дневник Николая Саенко // Общество Мемориал. URL: <https://memorial.notion.site/2c81c0ec702146289274cc6740f263b1>.
- Симонов 1943 — *Симонов К.* В Краснодаре // Красная звезда. 1943. 17 февр.
- Старостин 2022 — *Старостин А.* Суд признал преступления немецко-фашистских захватчиков на Кубани геноцидом // РИА Новости. 2022. 25 июля. URL: <https://ria.ru/20220725/genotsid-1804838624.html>.
- Судебный процесс 1943 — Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1943.
- Фирсова 2023 — *Фирсова С.* «Людей убивали просто так»: в Калуге продолжается судебный процесс по признанию геноцидом преступлений нацистов на нашей малой родине // КР 40. RU. 2023. 27 сент. URL: <https://www.kp40.ru/news/ perekrestok/104907>.
- Черепнина 2013 — *Черепнина В.* Краснодар — город воинской славы // МК Кубань. 2013. 24 июля. URL: <https://kuban.mk.ru/articles/2013/07/24/888620-krasnodar-gorod-voinskoy-slavyi.html>.

Список информантов

- Инф. 1 — Н. Г., жен., 1976 г. р., зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская.
- Инф. 2 — В. В., муж., 1975 г. р., зап. М. В. Гаврилова, А. А. Кирзюк, И. В. Козлова.
- Инф. 3 — Н. К., жен., 1926 г. р., зап. М. В. Гаврилова, И. В. Козлова; В. К. (личный архив собирателя).
- Инф. 4 — М. Г., жен., 1933 г. р., зап. С. В. Белянин, Е. А. Закревская.
- Инф. 5 — М. С., жен., 1976 г. р., зап. А. А. Кирзюк, Б. С. Пейгин.
- Инф. 6 — А. Г., жен., 1929 г. р., зап. В. К. (личный архив собирателя).
- Инф. 7 — жен., ок. 45 лет, Ростов-на-Дону, зап. А. С. Архипова, Е. А. Закревская.
- Инф. 8 — М. Е., жен., 1935 г.р., с. Арзгир Ставропольского края, зап. А. Г. Карнаух.
- Инф. 9 — Б. М., муж., г. р. неизвестен, зап. В. К. (личный архив собирателя).
- Инф. 10 — Ю. Т., муж., 1935 г. р., зап. А. А. Кирзюк (интервью онлайн).
- Инф. 11 — Б. О., муж., 1949 г. р., зап. А. А. Кирзюк.
- Инф. 12 — А. И., муж. г. р. неизвестен, зап. В. К. (личный архив собирателя).

Литература

- Агеева 2022 — *Агеева В. А.* Использование жителей Таганрога на принудительных работах в Германии в 1942–1945 гг. (на материалах дневников, писем, устных источников) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-

- на-Дону, 30 июня — 1 июля 2022 г.) / [Отв. ред. Г. Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 476–483.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Вельцер 2005 — *Вельцер Х.* История, память и современное прошлое / Пер. с нем. К. Левинсона // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2/3. С. 28–35.
- Воронина, Утехин 2006 — *Воронина Т., Утехин И.* Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая полемика // *Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования* / Под ред. М. Лоскутовой. СПб.: Нов. изд-во, 2006. С. 163–187.
- Иванов 2009 — *Иванов В.* Это нужно не мёртвым, это НУЖНО? живым... (О жертвах фашизма в Краснодаре и дальнейших судьбах массовых захоронений оккупационного периода) // *Уроки истории*. 2009. 6 июня. URL: https://urokiistorii.ru/school_competition/works/vadim-ivanov-jeto-nuzhno-ne-mjortvym-jeto/.
- Кирзюк 2017 — *Кирзюк А.* Три черных «Волги». Молчание и страх в советских городских легендах // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 1 (143). С. 167–177.
- Макарова 2022 — *Макарова Е. А.* Малоизвестные страницы оккупации Ставропольского края (по материалам уголовного дела нацистского пособника А. Райха) // *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 30 июня — 1 июля 2022 г.)* / [Отв. ред. Г. Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 295–303.
- Островская, Щербакова 2007 — *Островская И., Щербакова И.* Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших остарбайтеров // *Устная история (oral history): теория и практика: Материалы Всерос. научного семинара (Барнаул, 25–26 сентября 2006 г.)* / Науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. С. 75–83.
- Портелли 2003 — *Портелли А.* Смерть Луиджи Трастулли. Память и событие / [Пер. с англ.] // *Хрестоматия по устной истории* / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 202–230.
- Реброва 2019 — «Помни о нас...»: Каталог выставки, посвященной памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, убитых в период нацистской оккупации Северного Кавказа / Под ред. И. В. Ребровой. Краснодар: Тип. «Эдарт», 2019.
- Тажидинова 2019 — *Тажидинова И. Г.* Медиатизация темы преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников (на примере Краснодарского процесса 1943 г.) // *Наследие веков*. 2019. № 3. С. 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf.
- Тейтельбаум 2012 — *Тейтельбаум Ю. М.* Мемориализация Холокоста в Краснодарском крае: опыт и проблемы // *Память о Холокосте: проблемы мемориализации: Материалы 6-й Междунар. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия», Санкт-Петербург, 2–5 октября 2011 г.* / Под ред. И. А. Альтмана. М.: Науч.-просвет. центр «Холокост»; Фонд «Холокост»; АПАРТ, 2012. С. 53–59.
- Bourtman 2008 — *Bourtman I.* “Blood for blood, death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // *Holocaust and Genocide Studies*. Vol. 22. No. 2. 2008. P. 246–265.
- Rebrova 2020 — *Rebrova I.* Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus. Berlin: De Gruyter, 2020.

References

- Ageeva, V. A. (2022). Ispol'zovanie zhitelei Taganroga na prinuditel'nykh rabotakh v Germanii v 1942–1945 [The use of Taganrog residents for forced labor in Germany in 1942–1945]. In G. G. Matishov (Ed.). *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii: sobytiia, uchastniki, simvoly: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 30 iunია — 1 iulia 2022 g.)* (pp. 476–483). Izd-vo IuNTs RAN. (In Russian).
- Assmann, A. (2006). *Der Lange Schatten der Vergangenheit*. C. H. Beck.
- Bourtman, I. (2008). “Blood for blood, death for death”: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943. *Holocaust and Genocide Studies*, 22(2), 246–265.
- Ivanov, V. (2009, June 6). Eto nuzhno ne mertvym, eto NUZHNO? zhivym... O zhertvakh fashizma v Krasnodare i dal'neishikh sud'bakh massovykh zakhronenii okkupatsionnogo perioda [It is not the dead who need it but the living ones? About the victims of fascism in Krasnodar and the further fate of mass graves of the occupation period]. *Uroki istorii*. https://urokiistorii.ru/school_competition/works/vadim-ivanov-jeto-nuzhno-nemjortvym-jeto. (In Russian).
- Kirziuk, A. (2017). Tri chernykh “Volgi”. Molchanie i strakh v sovetskikh gorodskikh legendakh [Three black Volgas: Silence and fear in Soviet urban legends]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017(1, no. 143), 167–177. (In Russian).
- Makarova, E. A. (2022). Maloizvestnye stranitsy okkupatsii Stavropol'skogo kraia (po materialam ugovonnogo dela natsistskogo posobnika A. Raikha [Little-known chapters of occupation of the Stavropol Territory (Krai) (based on the materials of an archival criminal case of the Nazi accomplice, A. Reich]. In G. G. Matishov (Ed.). *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii: sobytiia, uchastniki, simvoly: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 30 iunია — 1 iulia 2022 g.)* (pp. 295–303). Izdatel'stvo IuNTs RAN. (In Russian).
- Ostrovskaiia, I., & Shcherbakova, I. (2007). Opyt prinuditel'nogo truda v ustnykh svidetel'stvakh byvshikh ostarbaiterov [Experience of forced labor in oral testimonies of former ostarbeiters]. In T. K. Shcheglova (Ed.). *Ustnaia istoriia (oral history): teoriia i praktika: Materialy Vserossiiskogo nauchnogo seminara (Barnaul, 25–26 sentiabria 2006 g.)* (pp. 75–83). Izd-vo BGPU. (In Russian).
- Portelli, A. (1991). The death of Luigi Trastulli: memory and the event. In A. Portelli. *The death of Luigi Trastulli, and other stories: Form and meaning in oral history* (pp. 1–28). State Univ. of New York Press.
- Rebrova, I. V. (Ed.) (2019). “Pomni o nas...”: Katalog vystavki, posviashchennoi pamiati patientsov psikhiatricheskikh klinik, detei-invalidov i vrachei-evreev, ubitykh v period natsistskoi okkupatsii Severnogo Kavkaza [“Remember us...”: Catalog of the exhibition dedicated to the memory of psychiatric patients, disabled children and Jewish doctors killed during the Nazi occupation of the North Caucasus]. Tipografiia “Edart”. (In Russian).
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter.
- Tazhidinova, I. G. (2019). Mediatizatsiia temy prestuplenii nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh posobnikov (na primere Krasnodarskogo protsessa, 1943) [Mediatization of the theme of crimes of the German-Fascist invaders and their accomplices (on the example of the Krasnodar Trial in 1943)]. *Nasledie vekov*, 2019(3), 79–90. <https://doi.org/10.36343/SB.2019.19.3.008>. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/09/2019_3_Tazhidinova.pdf. (In Russian).
- Teitel'baum Iu. M. (2012). Memorializatsiia Kholokosta v Krasnodarskom krae: opyt i problema [Holocaust memorialization in the Krasnodar region: experience and problems]. In I. A. Al'tman (Ed.). *Pamiat' o Kholokoste: problemy memorializatsii: Materialy 6-i Mezhdunarodnoi konferentsii “Uroki Kholokosta i sovremennaia Rossiia”*, Sankt-Peterburg,

2–5 *oktiabria 2011 g.* (pp. 53–59). Nauchno-prosvetitel'skii tsestr "Kholokost"; Fond "Kholokost"; APART. (In Russian).

Voronina, T., & Utekhin, I. (2006). Rekonstruktsiia smysla v analize interv'iu: tematicheskie dominanty i skrytaia polemika [Reconstruction of meaning in interview analysis: Thematic dominants and hidden polemics]. In M. Loskutova (Ed.). *Pamiat' o blokade. Svidetel'stva ochevidtsev i istoricheskoe soznanie obshchestva: Materialy i issledovaniia* (pp. 163–187). Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Welzer, H. (2005). History, memory, and the presence of the past. *Osteuropa*, 55(4), 9–18.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анна Андреевна Кирзюк

*кандидат философских наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической фольклористики,
Школа актуальных гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
✉ kirzук@mail.ru*

Anna A. Kirziuk

*Cand. Sci. (Philosophy)
Senior Research Fellow, Center for Theoretical Folklore Studies, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
✉ kirzук@mail.ru*